

V. V. MAYKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

A HISTORY OF RESEARCHES IN THE SALTVOV-MAIAK CULTURE IN THE CRIMEA IN THE TWENTY-FIRST CENTURY

Abstract: In the turn of twentieth and twenty-first centuries, there started a new stage in researches in the Saltov-Maiak culture in the Crimea. Therefore this paper addresses the studies of the said archaeological culture in the peninsula during the past 17 years. The conclusion is that the new data provide insight into all aspects of the material culture and supply new notion of residential, economic, defensive, and cult buildings, funeral rite, pottery assemblages, weaponry, and daily life artefacts. All these materials demonstrate that, despite strong religious syncretism, the Saltov-Maiak culture in the Crimea represents a variant of provincial-Byzantine culture. The degree of its Byzantinization was lower than in the material culture of the Greek and Alano-Gothic populations in the peninsula.

Keywords: mediaeval Taurica, Saltov-Maiak culture in the Crimea, research history.

А. Г. ГЕРЦЕН, В. Е. НАУМЕНКО

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ МАНГУПА VIII–XI ВВ. СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация: В статье представлен обзор историографии и современной источниковой базы по истории Мангупского городища хазарского и фемного времени. Начало хазарского периода в истории Дороса-Мангупа, вероятно, близко к сообщению Жития Иоанна Готского о захвате хазарами крепости в 80-х гг. VIII в., размещении здесь вооруженного гарнизона и последующем неудачном восстании населения Готии. Как показывают археологические исследования, хазарский период в истории Мангупа был недолговременным и не привел к значительным этническим изменениям среди его населения. Отмечаем редкость важного этнокультурного индикатора – салтово-маяцкой керамики. В период пребывания хазарского гарнизона в крепости был предпринят ремонт ее отдельных оборонительных узлов. С учреждением византийской фемы на полуострове в 841 г. начинается фемный период в истории Мангупа. В стратиграфии городища он отмечен сменой комплекса материальной культуры, в котором доминируют артефакты византийского круга. Еще одна особенность истории памятника IX–X вв. – активное развитие виноградарства, ориентированного на экспорт в донские и приазовские районы Хазарского каганата и находившегося, очевидно, под опекой византийской администрации крепости. Фемный период завершается около середины XI в. до конца не ясной катастрофой природного или военного характера. После этого Мангупское поселение вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на его площади, как и в округе, не выявлены следы культурного слоя и комплексов XII–XIII вв. Крайне немногочисленны находки этого времени. Однако, представления о цезуре в истории Мангупа мы не склонны рассматривать как окончательные. Они во многом зависят от результатов будущих археологических исследований.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, Дорос, Феодоро, Готия, Византия, хазары, византийская фема, византийская археология.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 17-49-92019 «Историко-археологические исследования княжеского дворца Мангупского городища в 2018 г.: восточный участок дворцового комплекса». Его отдельные положения ранее были озвучены авторами в докладах на нескольких научных конференциях [36, с. 92–94; 37; 42, с. 56].

Археологические исследования Мангупского городища были начаты еще в середине XIX в. и продолжаются до настоящего времени. С 1967 г., с момента создания Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, они приобрели систематический характер, что позволило существенно изменить наши представления о масштабах и исторической топографии памятника [об истории изучения городища см.: 25; 27; 41]. Одним из главных результатов раскопок Мангупа в последние десятилетия стала разработка его общей периодизации, которая ныне включает шесть основных периодов – докрепостной (позднеримский, конца III – середины VI в.), ранневизантийский (середины VI – конца VIII вв.), хазарский (конца VIII – середины IX вв.), фемный (середины IX – середины XI вв.), феодоритский (XIV в. – 1475 г.) и турецкий (османский, 1475–1792 гг.) [24; 36]. В рамках феодоритского периода ныне также выделяется особый золотоордынский этап, связанный с включением городища в 1360–1390-е гг. в сферу прямого контроля администрации Золотой Орды на полуострове [38; 39].

Представленная периодизация Мангупского городища носит объективный характер, так как опирается, главным образом, на результаты многолетних и систематических раскопок памятника, что закономерно в условиях редкости и фрагментарности имеющихся письменных и эпиграфических источников. В то же время нужно отметить, что различные периоды в истории Мангупа – средневекового Дороса-Феодоро, имеют разную степень археологической изученности. Лучше всего реконструируется его топография и историческая канва событий для периода княжества Феодоро, что связано во многом с тем, что практически все архитектурно-топографические доминанты Мангупа были возведены в это время (цитадель на мысе Тешкли-бурун, княжеский дворец 1425–1475 гг., церкви Св. Георгия и Св. Константина), либо продолжали функционировать в своих максимальных размерах (Большая трехнефная базилика) (рис. 1). Как показывает картографирование археологических объектов XIV–XV вв. на территории памятника, в это время его населением использовалось в том или ином виде большая часть Мангупского плато, за исключением мысов Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун, а само укрепленное поселение окончательно приобрело черты средневекового города и столичного центра. Также в максимальных размерах использовалась территория плато и в ранневизантийский период, но результаты этих исследований пока еще недостаточно опубликованы. Менее изученными, на сегодняшний день, остаются остальные периоды в истории Мангупского городища – позднеримский, хазарский, фемный и османский, что связано, с одной стороны, с очевидным снижением уровня экономической жизни на памятнике в это время, а с другой – с отсутствием их специальных исследований [см. подробнее: 36, с. 90–96; 37, с. 36–38; 40, с. 34–38].

Статья посвящена малоизвестной истории Мангупского городища VIII–XI вв., совпадающей с так называемыми «хазарским» и «фемным» этапами в периодизации памятника. В целом этот период времени представляется крайне важным для понимания целого комплекса серьезных научных проблем в истории не только Ман-

гупа, но и всего Юго-Западного Крыма, в том числе – характера территориальной и военно-политической экспансии Хазарского каганата в глубинные районы Таврики, особенно успешной в конце VIII – начале IX вв., и предпринятых Византийской империей мер, чтобы противостоять ей; особенностей византийской административно-территориальной системы управления горными районами полуострова после возвращения их в состав империи, начиная с учреждения в 841 г. фемы Климатов и заканчивая пока еще мало понятными событиями XI–XII вв. в истории византийской фемы в Крыму; эволюции, на примере Дороса-Феодоро-Мангупа, ранневизантийской крепости в крупный городской центр эпохи зрелого средневековья. Мангупское городище, в силу своего геополитического положения, очевидно, оказалось в эпицентре этих событий и процессов. Однако, период VIII–XI вв. в его истории слабо освещен письменными свидетельствами, а общая оценка специалистами имеющегося фонда археологических источников, безусловно, во многом зависит от оперативности и полноты публикаций результатов многолетних раскопок памятника. Наша работа предполагает максимально полный обзор современной источниковой базы по теме исследования, дополненный некоторыми наблюдениями в отношении исторической топографии городища в это время.

Историография вопроса. К специальному анализу истории изучения Мангупа в период VIII–XI вв. мы уже неоднократно обращались [23; 34, с. 240–247; 37]. Это избавляет от необходимости повторять некоторые детали и дает возможность сосредоточиться на наиболее важных моментах.

Процесс формирования современной исторической периодизации Мангупского городища отражает различные этапы археологической изученности памятника; иные группы источников (письменные, эпиграфические, нумизматические, сфрагистические), если и влияли на него, то лишь косвенно. Также следует учитывать слабую разработанность хронологии массового археологического материала из раскопок не только Мангупа, но и других средневековых памятников Крыма вплоть до конца XX в., что, безусловно, мешало объективной атрибуции многих археологических находок и комплексов. Совершенно особым фактором, долгое время серьезно влиявшим на представления исследователей об основных этапах в истории городища, является ряд ныне устаревших, сугубо теоретических гипотез – о некоем готском периоде, занимавшем большую часть истории Мангупа, вплоть до XV в. [47, с. 268], локализации раннесредневекового Дороса не на Мангупе, а на плато соседнего Эски-Кермена и позднем характере, не ранее XI–XII вв., крупного Мангупского поселения [64, с. 134–150; ср. колебания А. А. Васильева в связи с новой гипотезой локализации Дороса: 87, р. 47–52]. Безусловно, в этих концепциях хазарскому и фемному периодам в истории Мангупа не находилось места.

Нужно сказать, что гипотеза о поздней (не ранее XI–XII вв.) хронологии Мангупского городища, наиболее ясно сформулированная Н. И. Репниковым, вполне отвечала археологическим реалиям своего времени. Она опиралась на результаты раскопок на Мангупе А. С. Уварова в 1853 г., Ф. А. Брауна в 1890 г. и Р. Х. Лепера в

1912–1914 гг., несовершенных с точки зрения современной археологической методики, практически не опубликованных и не содержащих, что главное, выразительных раннесредневековых артефактов. К тому же практически все известные к этому времени эпиграфические находки с территории городища, за исключением плиты с именем императора Юстиниана I (527–565), которую Н. И. Репников расценивал, как привезенную извне и использованную в одной из гробниц Большой базилики как обычный строительный материал, датировались XIV–XV вв. [49].

Слабость гипотезы Н. И. Репникова обнаружили уже новые раскопки Мангупского городища в 1938 г. Используя их результаты, М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон датировали VI в. сооружение на Мангупском плато большой византийской крепости и синхронной ей трехнефной базилики; ими же были приведены аргументы в пользу прежней локализации раннесредневекового Дороса на Мангупе, наследником которого позднее стала одноименная столица княжества Феодоро [67; 76; 77; в целом о дискуссии в отношении локализации Дороса см.: 6, с. 10–25]. Однако главным для нашей работы является то, что в публикациях материалов раскопок 1938 г. впервые оказались представленными археологические находки интересующего нас периода времени. Из нижнего слоя в центральном здании комплекса Мангупского княжеского дворца 1425–1475 гг. (помещения С) происходила монета времени императора Льва VI Мудрого (886–912) [78, с. 409], из культурных горизонтов на площади раскопок базилики (раннесредневекового времени и периода XIV–XV вв.) – фрагменты «причерноморских» амфор с желобчатым корпусом VIII–X вв., кувшинов «скалистинского типа» VII–X вв., византийской глазурованной керамики группы «Glazed White Ware II» X–XI вв. и золотая серьга с пирамидкой из зерни первой половины VIII в. [68, с. 344, 363, 365, 377, 383, 386, рис. 20, н; 30, а–б, е–к; 32]². К сожалению, должного внимания этим находкам авторы публикаций не уделили. В общей работе по истории Мангупа-Дороса-Феодоро, написанной М. А. Тихановой, хазарского и фемного периодов в истории городища по-прежнему не было [67, с. 326–328].

Е. В. Веймарн вернулся к раскопкам Мангупского городища только в 1967 г., по сути, открыв новый этап археологического изучения памятника, характерной чертой которого являются систематические исследования его территории и крупных объектов. Однако его концепция раннесредневековой истории городища также существенно отличалась от современной, сочетая, в определенной степени, представления Н. И. Репникова и М. А. Тихановой – А. Л. Якобсона. Для Е. В. Веймарна поселение на Мангупском плато возникло еще в III–IV вв., в верховьях балок Гамам-дере и Табана-дере. В V–VI вв. появляется первое укрепление на мысе Тешкли-бурун. На его эспланаде, вдоль южного края Мангупского плато, находился ранний скальный

² О современной хронологии «причерноморских» амфор, в том числе указанного типа, и кувшинов «скалистинского типа» см.: [57, с. 35–50, 60–64]. О глазурованной керамике группы «Glazed White Ware II» см.: [82, р. 15–29]. Датировку отмеченных серег см.: [1, с. 123, 126, рис. 6,33].

некрополь памятника. Только после VIII в. или в начале IX в., после гибели Эски-Кермена, очевидно, в результате хазарского вторжения в Юго-Западный Крым, начнет формироваться «Большой Мангуп», занявший всю основную площадь плато. Тогда же первоначальное укрепление городища станет его цитаделью, ранний некрополь прекратит функционировать, а его территория начнет застраиваться [15, с. 125, 139]. С учетом этой концепции датировались, в пределах VIII–IX вв. или IX–X вв., и все археологические объекты (храмовые комплексы, усадьбы), раскопанные Е. В. Веймарном в конце 1960-х – начале 1970-х гг. на эспланаде Мангупской цитадели [15, с. 126–134; 62]. Сейчас эти заключения следует признать малообоснованными.

Современный этап археологического изучения Мангупа начинается в 70-е гг. XX в. с открытия новых звеньев Главной (Внешней) линии обороны Мангупской крепости и неизвестной прежде группы раннесредневековых могильников на ее южной периферии. Эти открытия полностью изменили наши представления об исторической топографии, характере и масштабах памятника, что позволило, в конечном итоге, разработать его объективную периодизацию, в которой впервые за многие годы исследований нашла отражение концепция истории Мангупа VIII–XI вв. Ее основные положения были изложены одним из авторов настоящей статьи еще в монографии 1990 г. В ряде позднейших статей они были незначительно скорректированы в связи с появлением материалов из новых раскопок и вкратце сводятся к следующему. Ранневизантийский период в истории городища завершается только в конце VIII в., когда в ходе подавления антихазарского восстания населения Готии, описанного в Житии Иоанна Готского, крепость была занята хазарами, разместившими здесь свой гарнизон. С этого момента Мангуп становится одним из опорных пунктов византийско-хазарского пограничья, но присутствие каганата носило, скорее, военно-политический характер, не отразившись принципиально на этническом составе населения городища и его округи. С учреждением в середине IX в. в Таврике фемы крепость вновь переходит под контроль империи. Фемный период в истории памятника завершается в первой половине XI в. военно-политической (или природной) катастрофой, приведшей к его запустению. Типологически Мангуп VIII–XI вв. может рассматриваться как крепость-убежище для относительно немногочисленного населения, с редкими усадьбами и хозяйственными комплексами, сосредоточенными в основном в северо-восточной части Мангупского плато. Основным занятием населения является в это время виноградарство и экспортное виноделие, о чем свидетельствует появление на плато множества скальных виноградодавлен [20, с. 112–119, 133–138; 23, с. 32–33; 24, с. 104–105].

Представленная концепция истории Мангупа VIII–XI вв. уже получила признание в научной литературе как составная часть истории раннесредневековой Таврики [2, с. 209–210, 216–218; 3, с. 62–64; 4, с. 77–80; 48]. Разночтения вызывают лишь некоторые детали. Необходимо отметить, пожалуй, лишь единственный неудачный внешний опыт интерпретации результатов раскопок памятника, принадлежащий И. А. Баранову, для которого ранние крепостные стены городища датировались ха-

зарским временем, а сам Мангуп являлся наиболее крупной крепостью Хазарского каганата в Юго-Восточной Европе [12, с. 58–59]. Априорность этих заключений была очевидна уже сразу после появления монографии исследователя, что подтвердили дальнейшие публикации материалов из раскопок Мангупа.

Источники по истории Мангупа VIII–XI вв. Всестороннее изучение истории любого крупного археологического памятника подразумевает комплексный анализ имеющейся источниковой базы. Для Мангупа ныне она включает практически все возможные группы источников – письменные, эпиграфические, сфрагистические, нумизматические и археологические.

Письменные и эпиграфические источники. Несмотря на очевидное важнейшее значение Дороса-Мангупа в политической истории Юго-Западного Крыма для периода VIII–XI вв., исследователи сталкиваются с крайней скудостью информации нарративных свидетельств. Фактически письменная история Мангупа этого времени сводится только к четырем историческим сюжетам. Положительным моментом в этом смысле является то, что они сильно отдалены хронологически друг от друга и, тем самым, позволяют проследить отдельные этапы истории городища на протяжении практически всего интересующего нас периода времени.

Прежде всего, речь идет о сообщении Феофана Исповедника и Никифора о бегстве в крепость Дорос между 695 и 705 гг., скорее, ближе к концу этого периода, отбывавшего в Херсоне ссылку опального императора Юстиниана II. Здесь, скрываясь от византийской администрации, он обратился к хазарскому кагану с просьбой о встрече, которая состоялась, очевидно, за пределами Дороса, на территории Хазарии. Полные результаты переговоров нам не известны, за исключением договоренности о браке между экс-императором и сестрой хазарского кагана, принявшей после крещения имя Феодоры. После свадьбы, с разрешения кагана, Юстиниан II с женой поселился в Фанагории, вероятно, на тот момент наиболее западном крупном населенном пункте, находившемся под прямым контролем хазарской администрации [84, р. 520; 83, р. 100–101]. Данное известие византийских источников имеет в историографии длительную дискуссию. Наиболее важный вопрос – политико-административный статус Дороса в условиях возросшего влияния Хазарского каганата на полуострове. Как нам представляется, отсутствие в источниках каких-либо упоминаний хазар применительно к Доросу и не случайное замечание Никифора о нем как о крепости, лежащей «в готской земле», не позволяет рассматривать версию о хазарской принадлежности Мангупского городища в это время [23, с. 30]. Дорос продолжал сохранять свою традиционную провизантийскую ориентацию, хотя его автономия и фактическая неподконтрольность представителям византийской власти не может быть не отмечена.

О событиях на Мангупе в 80-е гг. VIII в. сообщает Житие Иоанна Готского, составленное между 815 и 842 гг. [86, р. 115]. В центре агиографического сюжета – описание восстания населения Готии во главе с его господином («киром») и епископом Иоанном против овладевших около 786–787 гг. областью и ее главной

крепостью Дорос хазар. Восставшие изгнали из Дороса хазарский гарнизон и захватили окружающую крепость «клизуры». Однако вскоре мятеж был подавлен, и хазарское господство в Готии восстановлено [14, с. 397–398]. Многие вопросы, следующие из текста источника – точная хронология антихазарского восстания и учреждения Готской епархии, статус епископа Иоанна, роль Грузинской церкви в его рукоположении и пр., являются предметом постоянной дискуссии в современной историографии [31; 55; 5; 79, р. 69–75; 72, с. 416–419; и др.]. Не вызывает сомнений, пожалуй, лишь сам факт происшедших событий, в центре которых оказался Дорос, и то, что они отражают наивысший этап военно-политической экспансии хазар в Крыму, установивших к концу VIII в. свой контроль практически над всей территорией полуострова.

Следующее упоминание Дороса как центра Готской митрополии содержится в так называемой нотиции К. Де Боора (№ 3 по Ж. Даррузесу) [88, р. 231, 241–242, 245], составленной в начале 60-х гг. IX в. [54, с. 133–141], либо в самом начале этого столетия [72, с. 402–405]. Митрополия включала в свой состав области Хазарского каганата от Нижнего Поволжья до Крыма и, как считается, представляла нереализованный проект Константинопольского патриархата, призванный объединить в рамках одной церковно-административной единицы разрозненные христианские общины Хазарии и тех областей Таврики, которые оказались в зоне византийско-хазарского пограничья. Статус Дороса в данном проекте подразумевал регулярные связи с Константинополем, в представлении которого крепость продолжала оставаться политическим и духовным центром региона.

Наконец, последним письменным свидетельством из истории Мангупского городища интересующего нас периода времени является Пространная редакция Ответного письма хазарского царя Иосифа Хасдаю Ибн Шапруту, составленная в середине 50-х гг. X в. В ней Мангуп (уже в форме топонима «Манк-т», а не «Дорос», более привычного для эпохи раннего средневековья) фигурирует среди опорных пунктов Хазарского каганата вдоль линии его западной границы в Таврике [44, с. 102; об идентификации крымских топонимов см.: 21, с. 58–64]. Здесь главной научной проблемой остается вопрос, к какому историческому периоду следует относить сведения нашего источника. Одни исследователи считают, что западные пределы Хазарии, очерченные Иосифом, близки составлению Еврейско-хазарской переписки (И. А. Баранов, В. Л. Мыц, С. Б. Адаксина), другие видят в них реалии более раннего времени (М. И. Артамонов, А. В. Гадло). Мы также полагаем, что сведения Письма Иосифа в его «крымской» части следует датировать концом VIII – началом IX вв., когда проникновение хазар вглубь полуострова было максимальным [56, с. 236, 240–241].

Представленный перечень письменных источников можно пополнить и рядом косвенных свидетельств, в содержании которых Мангуп-Дорос подразумевается как центр области Климатов на полуострове (Константин Багрянородный) [45, с. 36–37, 52–53, 174–175], резиденция топарха Готии (Житие Феодора Студита, Vita B,

около 878 г.) [цит. по: 11, с. 68–69] или архиепископа Готии (в нотициях Константинопольского патриархата, начиная с нотиции Николая Мистика, 901–907 гг.) [88, р. 274, 294, 346]. Особое место занимают данные Тактикона Ф.И. Успенского (около 842–843 гг.) об учреждении весной – летом 841 г. фемы Климатов в Таврике, территория которой, несомненно, включала Дорос с округой [85, р. 48–49; о дате учреждения фемы см.: 71, с. 312–316; 53, с. 689–691]. Это означает завершение «хазарского» периода в истории региона и на Мангупе.

Фонд эпиграфических источников, происходящих с территории Мангупского городища, а также из раскопок памятников его ближайшей округи, ныне, благодаря многолетней работе А. Ю. Виноградова по их систематизации, включает девять надписей [17, с. 292–298]³. Восемь из них являются фрагментами обычных христианских посвящений (по А. Ю. Виноградову – IOSPE V 181, 183–184, 186, 192–195), в содержании которых приведены, как правило, греческие имена просителей и отдельные титулы церковной иерархии (анагност, папа, протопапа, пресвитер), однако не сохранилась (отсутствует?) точная дата источников. Девятая надпись (IOSPE V 172), с именем Цулы-бега, до сих пор видна в кладке внешней облицовки башни укрепления А.ХI в ущелье Табана-дере на Мангупе (рис. 1,1). Ее первые издатели (В. В. Латышев, Э. И. Соломоник) датировали памятник 1503 г., увязав с реконструкцией оборонительной системы крепости в начале османского периода в истории городища. Эта традиционная точка зрения недавно пересмотрена А. Ю. Виноградовым, который обратил внимание на последнюю строку надписи, где видна ее дата – греческие буквы φϕϕ (вместо αϕϕ, по В. В. Латышеву), то есть 6503 г. (994–995 гг.) [16, с. 263–264; там же историография вопроса].

Что следует из новой датировки надписи Цулы? Прежде всего, в нашем распоряжении появляется источник, имеющий прямое отношение к письменной истории Мангупского городища X в., о которой прежде можно было судить только по косвенным свидетельствам. Обратим внимание на титул Цулы – топотерит, из чего следует принадлежность его обладателя к числу представителей византийской администрации, подчиненной, очевидно, стратигу фемы Херсон в это время. Таким образом, передатировка эпиграфического источника позволяет надежно рассматривать Мангуп как часть территории фемы в Таврике в конце X в. Вполне вероятно, что горные районы полуострова были выделены в ее особое подразделение – турмархию Готия, две печати главы которой, спафария Льва, недавно были опубликованы [7, с. 230; 8, с. 566–567]. В Мангупской крепости, судя по надписи 994–995 гг., был размещен византийский гарнизон во главе с чиновником, носившим титул топотерит. Под его руководством осуществлялись локальные строительные работы по укреплению оборонительной системы городища. Безусловно, с учетом со-

³ Мы исключаем из обсуждения серию «готских» граффити из раскопок Мангупской базилики, недавно опубликованных А. Ю. Виноградовым и М. И. Коробовым [18; 19]. Дискуссия вокруг правомерности предложенной авторами атрибуции надписей на данный момент далека от завершения [см.: 74; 75; 46].

временных результатов археологических исследований Мангупа, далеко не все в републикации надписи может быть воспринято. Вряд ли целесообразной выглядит попытка предложить, вслед за надписью, новую хронологию для укрепления А.ХI и расположенного рядом пещерного монастыря. Этому противоречит, прежде всего, топография местности и выработанный за многие годы раскопок комплекс сведений о периодизации оборонительной системы городища и его пещерных сооружений. Также нет необходимости отказываться от рассмотрения имени Цулы в надписи как патронима хорошо известного, прежде всего, на материалах сфрагистики, местного аристократического рода на византийской службе второй половины X – начала XI вв. [58, с. 202–204].

В целом, подводя итоги анализа данных нарративных источников об истории Мангупа интересующего нас периода времени, отмечаем крайнюю фрагментарность информации, из которой ясно лишь то, что здесь на протяжении VIII–X вв. существовало сильно укрепленное поселение (крепость), являвшееся к тому же политическим и церковно-административным центром Крымской Готии. Оно имело регулярные связи с Херсоном и столицей Византийской империи. В самом конце VIII в., ненадолго, Мангуп был завоеван хазарами, разместившими здесь свой гарнизон, что позволяло им вплоть до середины X в. считать городище включенным в свою сферу влияния на полуострове. Однако, в действительности, хазарский период в истории городища завершился еще в 841 г., когда оно, как и другие области Горного Крыма, вошло в состав византийской фемы на полуострове. В конце X в. на территории Мангупского городища еще находился византийский гарнизон во главе с топотеритом, который был занят, в том числе, ремонтами (или строительством) отдельных фортификационных узлов обороны крепости.

Сфрагистические и нумизматические источники. Обе группы источников крайне немногочисленны, к тому же в историографии отсутствуют специальные исследования, в которых они были бы систематизированы и изданы. Представленный ниже обзор основан исключительно на опубликованных к настоящему времени материалах. Приступая к нему, необходимо также отметить, что практически все происходящие с Мангупа печати и монеты VIII–XI вв., за исключением так называемого «чамну-бурунского клада», обнаружены случайно (подъемный материал), либо извлечены из более поздних культурных горизонтов на городище в виде «переотложенного» археологического материала. Это объяснимо ввиду масштабных строительных работ на памятнике в период княжества Феодоро (XV в.), фактически уничтоживших культурный слой и сооружения интересующего нас периода времени.

На сегодняшний день, издана только одна византийская печать фемного периода в истории Мангупа, найденная в 2009 г. случайно в центральной части городища, на месте раскопок дворца 1425–1475 гг. (рис. 1,7). Она принадлежит Григорию, императорскому спафарию и архонту Херсона, и датируется 40-ми гг. IX в. [9, с. 123; 10, с. 256]. Моливдовул X в. из верхнего культурного слоя христианского некрополя у храма св. Константина (рис. 1,10) XV–XVI вв. лишь упоминается в одной из пу-

бликаций [28, с. 60]. Из ближайшей округи городища, района с. Холмовка, происходит еще одна печать архонта Херсона 820-х гг. – императорского спафария Григоры [9, с. 124; 10, с. 233]. Незначительный круг сфрагистических источников, имеющих отношение к истории Мангупа X–XI вв., можно пополнить моливдовулами уже упоминавшегося Льва, императорского спафария и турмарха Готии [7, с. 230; 8, с. 566–567], и церковных иерархов Готии [73]. В общей сводке последних, составленной В. Н. Чхаидзе, три моливдовула X–XI вв. принадлежат Иоанну, архиепископу Готии, еще один XI–XII вв. – архиепископу Готии Кесарию. Трудности вызывает точная хронология и содержание легенды печати епископа (?) Готии Иоанна, изданной Н. В. Пятышевой и датированной ею второй половиной VIII в. [63, с. 32–33]. Моливдовул имеет плохую сохранность, что требует обязательного нового обращения к источнику, с целью его републикации. Пока лишь отметим, что дата печати, предложенная издателем, больше ориентирована на сведения известного агиографического источника (Жития Иоанна Готского), нежели на анализ собственно данных сфрагистики [55, с. 133].

Среди нумизматических находок Мангупа, по сути, только «чамну-бурунский клад» монет имеет ясные стратиграфические основания и, соответственно, возможность быть вписанным в узкий исторический контекст. Он происходит из слоя ремонта оборонительной стены ранневизантийского укрепления А.І Мангупской крепости на мысе Чамну-бурун и включает восемь медных монет-имитаций солидам императоров Льва III Исавра и Константина V Копронима 725–732 гг. выпуска. Время сокрытия клада и, соответственно, дата ремонта крепостной стены отнесены А. Г. Герценым и В. А. Сидоренко к 30-40-м гг. VIII в. [43, с. 126–133]. Остальные нумизматические материалы из раскопок городища еще требуют своей систематизации. В их первичной сводке учтенными на 2005 г. оказались 165 экземпляров, из которых только 11 были выпущены в период IX–X вв. – монеты Василия I (867–886), Льва VI Мудрого, Романа I Лакапина и Константина VII Багрянородного (920–944), Никифора II Фоки (963–969) [26, с. 457]. Монеты Романа II (959–963) и Иоанна Цимисхия (969–976) из раскопок жилого квартала вблизи церкви Св. Константина несколько расширяют период поступления византийской нумизматики на территорию Мангупа [30, с. 295; 33, с. 410], но о каких-либо статистических закономерностях монетного обращения городища в фемное время говорить пока рано.

Археологические источники. В условиях дефицита нарративных свидетельств основной ресурс для расширения источниковой базы по истории Мангупа VIII–XI вв. лежит в области археологического изучения городища. Ныне это наиболее пополняемая группа источников; к тому же большая часть открытых в конце XX – начале XXI вв. археологических объектов, имеющих отношение к теме исследования, оперативно введены в научный оборот, что избавляет нас от повторов. В результате, высказанное ранее заключение о Мангупе VIII–XI вв. как крепости-убежище с относительно небольшим населением, редкими усадьбами и хозяйственными (винодельческими) комплексами, сосредоточенными в основном в северо-восточной

части Мангупского плато, уже требует корректировки. Однако, главные проблемы археологического изучения городища – отсутствие хорошо выраженного культурного слоя хазарского и фемного времени и неравномерность в распределении вещественных находок, среди которых преобладают материалы второй половины IX – X вв. и почти нет артефактов VIII и XI вв., по-прежнему актуальны.

Хазарский период в истории Мангупа остается почти не изученным археологически. Как уже отмечалось, его начальный этап, вероятно, близок к сообщению Жития Иоанна Готского о захвате хазарами крепости в 80-е гг. VIII в. и последующем неудачном восстании населения Готии. С этими событиями может быть связан «слой пожара» на участке поселения в Лагерной балке (рис. 1,4), выявленный на площади раскопов I (1978–1979 гг.) и XIII (1996 г.) и до сих пор не имеющий полноценной публикации [20, с. 133–134]. Наиболее поздние датирующие находки из слоя представлены фрагментами «причерноморских» амфор с мелким зональным рифлением класса 24 по классификации херсонесских амфор 1995 г. [об их хронологии см.: 57, с. 41–43]. С определенными оговорками, к датировке «слоя пожара» близок ремонт куртины ранневизантийского укрепления А.І, хронологию которого определяет сокрытие уже упоминавшегося «чамну-бурунского клада» с имитациями солидов Льва III Исавра и Константина V Копронима 725–732 гг. выпуска [43, с. 126–133]. Обращение таких монет было возможно лишь при условии политического обособления территории, где они изготавливались, из-под юрисдикции Византии, что хорошо соотносится с сообщениями письменных источников о значительной автономии Мангупа-Дороса в первой половине – середине VIII в.

Как показывают археологические исследования, хазарский период в истории Мангупского городища был недолговременным и не привел к значительным этническим изменениям среди его населения. До сих пор не обнаружены участки жилой застройки конца VIII – первой половины IX вв. на территории Мангупа. Во всех публикациях материалов раскопок памятника отмечается редкость в культурном слое городища такого важного этнокультурного индикатора как салтово-маяцкая керамика. Пожалуй, лучше всего присутствие хазар на городище видно при изучении его оборонительной системы, отдельные узлы которой были подвергнуты хазарским гарнизоном ремонту (раскопки 1970-х гг.). Примером таких работ, вероятно, служит сооружение на месте некрополя позднеримского времени новой куртины А укрепления А.ХІV на восточном склоне мыса Чуфут-Чегарган-бурун (рис. 1,3). Ее отличительная особенность – значительная толщина (местами до 3,5 м) и постройка без фундамента, непосредственно на грунт, что сближает технику строительства с фортификационными приемами населения Хазарского каганата, выявленными в Подонье и на Северном Кавказе. Датировка стены, очевидно, увязывается с хронологией женского погребения с двумя бронзовыми серьгами VIII–IX вв., открытого в строительной траншее стены куртины [20, с. 111–114]. Как показывают раскопки укреплений А.І, А.VIII, А.ХІV Главной линии обороны Мангупской крепости, начиная с хазарского периода, при сооружении крепостных стен используется прак-

тика маркировки блоков «внутренними» знаками-тамгами, которые выступают в роли родовых символов патронимий, принимавших участие в строительстве [20, с. 114–119].

Еще одна важная научная проблема изучения истории Мангупа VIII – первой половины IX вв. – поиск основного некрополя городища этого времени. Наибольший интерес в этом смысле вызывают результаты раскопок Адым-Чокракского грунтового могильника VII–IX вв., расположенного в одноименной долине к югу от Мангупского плато (рис. 2,11). На сегодняшний день, они известны только благодаря предварительной публикации [80, S. 2–7, 37–72, Taf. 1–31]. Многие вопросы атрибуции некрополя – его общей хронология и внутренней периодизации, реконструкции погребального обряда, соотношения византийского и салтово-маяцкого круга древностей, требуют специальных исследований.

С учреждением византийской фемы на полуострове в середине IX в. начинается фемный период в истории Мангупа. В стратиграфии памятника он отмечен резкой сменой комплекса материальной культуры, в котором отныне доминируют артефакты византийского круга – различные типы «причерноморских» амфор и бытовой керамики, высокогорлые кувшины, глазурованная посуда групп «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II», монеты от Василия I (867–886) до Иоанна Цимисхия (969–976). Отметим также открытие участков культурного слоя и застройки городища второй половины IX – X вв. в ходе исследований многих крупных археологических объектов.

На сегодняшний день, не вызывает сомнений функционирование поселения фемного времени на территории Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун (рис. 1). Полностью опубликованы результаты раскопок 1998 и 2003 гг. на его юго-восточном склоне, где выявлены стратифицированные материалы X – первой половины XI вв. (слой № 3), сброшенные с поверхности мыса в результате строительной активности более позднего времени [29, с. 392–409]. Изданы наиболее выразительные фрагменты византийской поливной керамики IX–XI вв. (группы «Glazed White Ware I» и «Glazed White Ware II»), происходящие из культурного слоя акрополя городища [66; 32, с. 257–259, рис. 1]. Еще один участок жилой застройки Мангупской крепости этого периода открыт вблизи церкви Св. Константина (рис. 1,10). Здесь полностью раскопана трехкамерная постройка полуземляночного типа середины IX – начала X вв., со стенами, сложенными с элементами «кладки в елку» [34, с. 247–269]. Пятью наземными и скальными постройками представлен строительный ярус второй половины IX – X вв. на месте Мангупского княжеского дворца 1425–1475 гг. (рис. 1,7) [42, с. 56]. Одна из них уже полностью опубликована [59, с. 226–231]. Издана также строительная керамика из слоя разрушения застройки IX – начала X вв., открытой в 2007–2008 гг. на участке поселения в Лагерной балке (рис. 1,4) [50, с. 174–185]. К сожалению, остаются не введенными в научный оборот материалы археологических исследований 1967–2005 гг. Большой Мангупской базилики (рис. 1,6), которыми долгие годы руководила Н. И. Бармина. В итоговой публикации представлен

только общий план строительных остатков памятника конца IX – начала X вв. [13, с. 310–312, ил. 6]. О его архитектурном декоре мы можем судить на основе работ других исследователей [70, с. 118–120].

По-прежнему одной из главных особенностей исторической топографии Мангупа фемного периода является обилие на его территории стационарных винодельческих комплексов. Важно еще раз подчеркнуть, что виноградарство и виноделие на памятнике имело товарный характер, было ориентировано на экспорт в донские и приазовские районы Хазарского каганата и находилось, очевидно, под управлением и опекой византийской администрации крепости. Для культивирования винограда наиболее благоприятными являлись южные склоны Мангупского плато, где до сих пор сохранились заросли дикорастущей виноградной лозы. На самом же городище, под защитой крепостных стен и византийского гарнизона, размещались скальные тарапаны. Всего, на сегодняшний день, известно 10 таких комплексов, расположенных в основном в восточной и центральной частях городища (рис. 1,12). Планы некоторых из них изданы [15, с. 134, 136, рис. 7; 35, с. 240–241, ил. 4, 6]. Однако полная публикация всей группы археологических источников представляется крайне необходимой, чтобы окончательно решить вопросы ее хронологии, конструктивных особенностей и в целом технологии винодельческого процесса.

Долгое время наши представления о ближайшей округе Мангупа в фемное время были ограничены двумя храмовыми комплексами – крестообразным храмом на юго-восточном склоне Мангупского плато (рис. 2,7) [51] и так называемой «Каралезской базиликой» с расположенным рядом некрополем (рис. 2,2–3) [65, с. 114–115]. В 1996 г. новый участок поселения IX–X вв. был открыт рядом с базиликой [52]. Еще один крупный объект византийской археологии второй половины IX – X вв., так называемая «базилика Маркевича», исследован в последние годы (рис. 2,10) [60].

Фемный период в истории Мангупского городища завершается около середины XI в. до конца не ясной катастрофой природного или военного характера. Ее следы отложились в комплексе слоя пожара на площади раскопа X (1976 г.) и X-Б (1978 г.) у тыльной стороны цитадели, в котором погибла постройка X в. Для датировки слоя важное значение имеют находки в нем фрагментов высокогорлых кувшинов (около 65% от общего числа находок), амфор типа II по Гюнзенин, византийской белоглиняной поливной керамики группы GWW-II (типы 1, 2, 9, 13) [89, с. 132–146]. С этими же событиями, очевидно, связано сокрытие так называемого «тешкли-бурунского клада», состоявшего в основном из находок, происхождение которых связано с функционированием раннесредневековых могильников в округе Мангупа [81; о структуре и реконструкции предметов из клада см.: 69].

После катастрофы середины XI в. городище вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на его площади, как и в округе, не выявлены следы культурного слоя и комплексов XII–XIII вв. Крайне немногочисленны находки этого времени. Фактически, к их числу могут быть уверенно отнесены только редкие фрагменты византийской поливной керамики групп «GWW IV», «Zeuxippus Ware» и «Ceramique

byzantine de l'Égee» [32, с. 260–261, рис. 2–4; 61, с. 102–105, ил. 73]. Однако, представления о цезуре в истории Мангупа мы не склонны рассматривать как окончательные. Во-первых, потому что письменные источники (нотии и акты поместных соборов Константинопольского патриархата) по-прежнему фиксируют регулярные связи иерархов Готской епархии с Византией. Во-вторых, указанная глазурованная керамика относится к разряду художественной парадной посуды, обычно составляя лишь незначительную часть керамического комплекса на памятниках этого времени. Выделение иной бытовой керамики XII–XIII вв. из общего массива археологических находок и соответственно связанного с ними участка культурного слоя на площади городища является одной из первоочередных задач. Пока же отметим, что подавляющее большинство поливных изделий XII–XIII вв. происходит с территории цитадели на мысе Тешкли-бурун и ближайших окрестностей Мангупского плато.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–132.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А.И. Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 59–64.
4. Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII вв. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 74–82.
5. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 615–626.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
7. Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 230–235.
8. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 564–570.
9. Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 121–135.
10. Алексеенко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017. 474 с.
11. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. 500 с.
12. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. 168 с.
13. Бармина Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. СПб., 2008. Т. XLII. Византия в контексте мировой культуры: К 100-летию со дня рождения А.В. Банк. С. 305–313.
14. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. С. 351–427.
15. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чорев М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123–139.
16. Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262–271.
17. Виноградов А.Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
18. Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Вып. 76(3–4). С. 57–75.
19. Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Corrigenda. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78(1–2). С. 323–325.
20. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166, 242–271.
21. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 59–66.
22. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127–147.
23. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 29–34.
24. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94–112.
25. Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 228–246.
26. Герцен А.Г. Нумизматический спектр Мангупа-Дороса // Нумизматични, сфрагистични и эпиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на Милко Мирчев. Варна, 2008. С. 457–458.
27. Герцен А.Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 12–45.
28. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59–65.
29. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
30. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.
31. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 95–115.
32. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 257–287.
33. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389–431.
34. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Иванова О.С. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.

35. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. СПб., 2010. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. С. 227–253.
36. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 88–100.
37. Герцен А.Г., Науменко В.Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2015. С. 36–38.
38. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 247–258.
39. Герцен А.Г., Науменко В.Е. «Между Золотой Ордой и Романией...». Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь, 2016. С. 36–49.
40. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 34–38.
41. Герцен А.Г., Науменко В.Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): М.; СПб., 2017. С. 10–55.
42. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы научной конференции. Севастополь, 2018. С. 53–58.
43. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. 1988. Вып. 24. Вопросы социального и политического развития. С. 120–135.
44. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. 134 с.
45. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. 496 с.
46. Курышева М.А., Фонкич Б.Л. К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78(3). С. 167–179.
47. Лепер Р.Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266–269.
48. Майко В.В. К вопросу о выделении средневековых горизонтов Мангупа IX–XI вв. // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 152–159.
49. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. 47 с. (отдельный оттиск).
50. Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной балке (Мангуп) // Древности. Харьков, 2011. С. 172–190.
51. Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224–242.
52. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 324–340.
53. Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 689–700.
54. Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae Episcopatum) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 123–145.
55. Науменко В.Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX вв. // Sacrum et Profanum. Севастополь, 2005. Вып. I. С. 129–140.
56. Науменко В.Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX века // Хазары. Иерусалим, М., 2005. С. 231–244.
57. Науменко В.Е. Пифосы, амфоры, высокогорлые кувшины, фляги, столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 32–64.
58. Науменко В.Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в.: археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры». Сборник материалов конференции. М., 2016. С. 202–206.
59. Науменко В.Е., Душенко А.А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н Южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.
60. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Сборник материалов. Севастополь, 2017. С. 50–55.
61. Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И. Церковь Святого Георгия // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): М.; СПб., 2017. С. 56–108.
62. Піоро І.С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. Серія: Історія. Київ, 1972. № 14. С. 113–118.
63. Пяташева Н.В. Печать готского епископа в коллекциях Государственного Исторического музея // Археологический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 32–36.
64. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12. С. 107–152.
65. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118.

66. Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 172–181.
67. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 319–333.
68. Тиханова М.А. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 334–389.
69. Хайрединова Э.А. Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 62–88.
70. Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 107–138.
71. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 312–323.
72. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae Episcopatum // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 399–435.
73. Чхаидзе В.Е. Печати Иоанна, архиепископа Готии (X–XI вв.) // РА. 2016. № 2. С. 169–174.
74. Шалыга Д.А. К вопросу о письменности крымских готов // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 312–316.
75. Шалыга Д.А. Язык крымских готов // Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь, 2017. С. 310–322.
76. Якобсон А.Л. Из истории архитектуры средневекового Крыма. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. 6. С. 205–226.
77. Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 55–63.
78. Якобсон А.Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. 1953. № 34. С. 390–418.
79. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 69–85.
80. Bemann J., Schneider K., Gercen A.G., Černýš S., Maćczyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup. Mainz, 2013. 100 S.
81. Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 151–152.
82. Hayes D.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
83. Mango C. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Washington, 1990. 247 p.
84. Mango C., Scott R. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813. Oxford, 1997. 744 p.
85. Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. 404 c.
86. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast period // Iconoclasm. Birmingham, 1975. P. 113–131.
87. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.
88. Darrouzès J. Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981. 352 p.
89. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127–147.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. Mogil'niki VIII – nachala X vv. v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, vol. III, pp. 121–132.
2. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Ajbabin A.I. Krym v VIII–IX vv. Khazarskoe gosподstvo. Step' i Yugo-Zapadnyj Krym. *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka*, Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 59–64.
4. Ajbabin A.I. Krym v X – pervoj polovine XIII vv. Step' i Yugo-Zapadnyj Krym. *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII veka*, Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 74–82.
5. Ajbabin A.I. Nekotorye aspekty istorii Gotskoj eparkhii v Yugo-Zapadnom Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 615–626.
6. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)*. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
7. Alekseenko N.A. Gotiya v strukture vizantijskoj administrativnoj sistemy v Tavrike vo vtoroj polovine X v. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 1998, vol. IX, pp. 230–235.
8. Alekseenko N.A. Vizantijskaya administratsiya na Bospore vo vtoroj polovine X v. (po dannym pamyatnikov sfragistiki). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 564–570.
9. Alekseenko N.A. Novye nakhodki vizantijskikh pečatej na territorii Kryma. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2011, vol. 40, pp. 121–135.
10. Alekseenko N.A. *Vizantijskij Kherson VI–XIII stoletij v pamyatnikakh sfragistiki. I. Chinovniki Khersona VIII–XI vv.* Sevastopol, 2017, 474 p.
11. Bajer Kh.-F. *Istoriya krymskikh gotov kak interpretatsiya Skazaniya Matfeya o gorode Feodoro*. Ekaterinburg, 2001, 500 p.
12. Baranov I. A. Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ya. Kiev, 1990, 168 p.
13. Barmina N.I. Etapy zhizni Mangupskoj baziliki. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2008, T. XLII, pp. 305–313.
14. Vasil'evskij V.G. Zhitie Ioanna Gotskogo. *Trudy V.G. Vasil'evskogo*, St-Petersburg, 1912, T. 2, S. 351–427.
15. Vejmar E.V., Loboda I.I., Pioro I.S., Choref M.Ya. Arkheologicheskie issledovaniya stolitsy knyazhestva Feodoro. *Feodal'naya Tavrika*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 123–139.
16. Vinogradov A.Yu. Nadpis' iz Tabana-dere: pyat'sot let spustya. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2009, vol. 39, pp. 262–271.
17. Vinogradov A.Yu. Osnovnye problemy i voprosy izucheniya vizantijskoj epigrafiki Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 278–298.
18. Vinogradov A.Yu., Korobov M.I. Gotskie graffiti iz Mangupskoj baziliki. *Srednie veka*, 2015, vol. 76(3–4), pp. 57–75.
19. Vinogradov A.Yu., Korobov M.I. Corrigenda. Gotskie graffiti iz Mangupskoj baziliki. *Srednie veka*, 2017, vol. 78(1–2), pp. 323–325.
20. Gertsen A.G. Krepостnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, vol. I, pp. 87–166, 242–271.
21. Gertsen A.G. Vizantijsko-khazarskoe pogranich'e v Tavrike. *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma*, Simferopol, 1993, pp. 59–66.

22. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX–XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-burun. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2001, vol. 32, pp. 127–147.
23. Gertsen A.G. Khazary v Dorose-Mangupe. *Khazarskij al'manakh*, Khar'kov, 2002, T. 1, pp. 29–34.
24. Gertsen A.G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantijskoj kreposti k feodal'nomu gorodu. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 94–112.
25. Gertsen A.G. Mangup glazami issledovatelej i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.). *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, 2008, vol. 3, pp. 228–246.
26. Gertsen A.G. Numizmaticheskij spektr Mangupa-Dorosa. *Numizmatichni, sfragistichni i epigrafski prinosi k'm istoriyata na Chernomorskoto krajbrezhie. Mezhdunarodna konferentsiya v pamet na Milko Mirchev*, Varna, 2008, pp. 457–458.
27. Gertsen A.G. K 50-letiyu vuzrobnovleniya arkheologicheskogo izucheniya Mangupa: nachal'nyj etap. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 12–45.
28. Gertsen A.G., Alekseenko N.A. Vizantijskie molivdovuly iz raskopok Mangup-Kale. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2002, vol. 33, pp. 59–65.
29. Gertsen A.G., Zemlyakova A.Yu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, vol. XII, pp. 371–494.
30. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): I gorizont zastrojki (XVI–XVIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 233–298.
31. Gertsen A.G., Mogarichev Yu.M. K voprosu o tserkovnoj istorii Tavriki v VIII v. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1999, vol. 30, pp. 95–115.
32. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Polivnaya keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.*, Kiev, 2005, pp. 257–287.
33. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastrojki (XV v.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 389–431.
34. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Ivanova O.S. Arkheologicheskie issledovaniya v rajone tserkvi Sv. Konstantina (Mangup). III gorizont zastrojki (sredina IX – nachalo X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 240–295.
35. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagonal'naya tserkov' tsitadeli Mangupa (Krym): voprosy khronologii i arkhitekturnoj kompozitsii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, St-Petersburg, 2010, T. LIII, pp. 227–253.
36. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Stratigrafiya Mangupskogo gorodishcha: antropogennyj i prirodno-geograficheskij kontekst. *Materialy nauchnoj konferentsii «XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarkij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium»*, Kerch, 2015, pp. 88–100.
37. Gertsen A.G., Naumenko V.E. O khazarskom i femnom periode v istorii Mangupa: predvaritel'nye nablyudeniya nad istoricheskoi topografiej gorodishcha. *Materialy nauchnoj konferentsii VII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, 2015, pp. 36–38.

38. Gertsen A.G., Naumenko V.E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*, 2016, No 9, pp. 247–258.
39. Gertsen A.G., Naumenko V.E. «Mezhdru Zolotoj Ordoj i Romaniej...». Velikokhanskij vektor v kul'ture regional'nykh elit ili k voprosu o zolotoordynskom periode v istorii Mangupa serediny – vtoroj poloviny XIV v. (obzor arkheologicheskikh istochnikov). *Krymskij yurt Zolotoj Ordy: nasledie ischeznuvshej imperii: katalog vystavki*, Simferopol, 2016, pp. 36–49.
40. Gertsen A.G., Naumenko V.E. K rannej istorii knyazhestva Feodoro: istoriko-arkheologicheskij kommentarij. *Materialy nauchnoj konferentsii VIII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, 2016, pp. 34–38.
41. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Istoriya izucheniya i topografiya khramovykh kompleksov i nekropolej Mangupskogo gorodishcha. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*, Moscow, St-Petersburg, 2017, pp. 10–55.
42. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskij dvorets Mangupskogo gorodishcha. Stratigrafiya uchastka issledovaniy 2006–2017 gg. (predvaritel'noe soobshchenie). *Materialy nauchnoj konferentsii X Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis»*, Sevastopol, 2018, pp. 53–58.
43. Gertsen A.G., Sidorenko V.A. Chamnuburunskij klad monet-imitatsij. K datirovke zapadnogo uchastka oboronitel'nykh sooruzhenij Mangupa. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 1988, vol. 24, pp. 120–135.
44. Kokovtsov P.K. *Evrejsko-khazarskaya perepiska v X veke*. Leningrad, 1932, 134 p.
45. Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej*. Moscow, 1991, 496 p.
46. Kuryshva M.A., Fonkich B.L. K paleograficheskoi interpretatsii grecheskikh graffitov Mangupskoi baziliki. *Srednie veka*, 2017, vol. 78(3), pp. 167–179.
47. Leper R.Kh. Protokoly zasedanij Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoj Komissii. Zasedanie 16 oktyabrya 1912 g. *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoj komissii*, Simferopol, 1913, No 49, pp. 266–269.
48. Majko V.V. K voprosu o vydelenii srednevekovykh gorizontov Mangupa IX–XI vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 152–159.
49. Malitskij N.V. Zametki po epigrafike Mangupa. *Izvestiya Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury*, 1933, vol. 71, 47 s. (otdel'nyj ottisk).
50. Moiseev D.A. Arkheologicheskij kompleks stroitel'noj keramiki IX–X vv. iz raskopok poseleniya v Lagernoj balke (Mangup). *Drevnosti*, Khar'kov, 2011, pp. 172–190.
51. Myts V.L. Krestobraznyj khram Mangupa. *Sovetskaya arkheologiya*, 1990, No 1, pp. 224–242.
52. Naumenko V.E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozhiya Mangupa. *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 324–340.
53. Naumenko V.E. K voprosu o nazvanii i date uchrezhdeniya vizantijskoj femy v Tavrike. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, vol. VI, pp. 689–700.
54. Naumenko V.E. K voprosu o tserkovno-administrativnom ustrojstve Tavriki v VIII–IX vv. (po dannym Notitiae Episcopatum). *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2003, vol. 34, pp. 123–145.

55. Naumenko V.E. K voprosu o gotskom episkope na VII Vselenskom sobore v Nikee i tserkovno-politicheskoj situatsii v Krymskoj Gotii v kontse VIII – nachale IX vv. *Sacrum et Profanum*, Sevastopol, 2005, vol. I, pp. 129–140.
56. Naumenko V.E. Vizantijsko-khazarskie otnosheniya v seredine IX veka. *Khazary*, Jerusalem, Moscow, 2005, pp. 231–244.
57. Naumenko V.E. Pifosy, amfory, vysokogorlye kuvshiny, flyagi, stolovaya posuda. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.*, Simferopol, Kerch, 2009, pp. 32–64.
58. Naumenko V.E. K diskussii ob etnopoliticheskoj istorii Krymskoj Gotii v Xv.: arkheologicheskij kommentarij k nadpisyam s Mangupskogo gorodishcha. *Sbornik materialov konferentsii XXVIII Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto «Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoj infrastruktury»*, Moscow, 2016, pp. 202–206.
59. Naumenko V.E., Dushenko A.A. Knyazheskij dvorets Mangupskogo gorodishcha: pomeshchenie X Yuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam kollekcii R.Kh. Lepera Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennykh arkheologicheskikh issledovanij). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 187–238.
60. Naumenko V.E., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. «Bazilika Markevicha» na yuzhnoj periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovanij 2012–2016 gg.). *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Arkheologiya srednevekovogo khrama», k 170-letiyu K.K. Kostyushko-Valyuzhinicha*, Sevastopol, 2017, pp. 50–55.
61. Naumenko V.E., Iozhitsa D.V., Nabokov A.I. TSerkov' Svyatogo Georgiya. Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Yu. *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.)*, Moscow, St-Petersburg, 2017, pp. 56–108.
62. Pioro I.C. Arkheologichni doslidzhennya zalishkiv sadibi na seredn'ovichnomu gorodishchi Mangup u 1969 rotsi. *Visnik Kiivs'kogo universitetu. Seriya: Istorija*, Kiev, 1972, No 14, pp. 113–118.
63. Pyatysheva N.V. Pechat' gotskogo episkopa v kollektsiyakh Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. *Arkheograficheskij ezhegodnik za 1962 god*, Moscow, 1963, pp. 32–36.
64. Repnikov N.I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–1929 gg. *Izvestiya Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury*, 1932, T. 12, pp. 107–152.
65. Sidorenko V.A. «Goty» oblasti Dori Prokopiya Kesarijskogo i «dlinnye steny» v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1991, vol. II, pp. 105–118.
66. Smokotina A.V. Vizantijskaya polivnaya keramika VII – pervoj poloviny IX vv. iz raskopok Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 172–181.
67. Tikhanova M.A. Doros-Feodoro v istorii srednevekovogo Kryma. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1953, No 34, pp. 319–333.
68. Tikhanova M.A. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Bazilika. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1953, No 34, pp. 334–389.
69. Khajredinova E.A. Paradnyj ubor zhitel'nitsy rannesrednevekovogo Dorosa (po nakhodkam iz Teshkli-burunskogo klada Mangupskogo gorodishcha). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 62–88.

70. Khrushkova L.G. K diskussii o vremeni stroitel'stva Mangupskoj baziliki. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, vol. XXII, pp. 107–138.
71. Zucerman C. K voprosu o rannej istorii femy Khersona. *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 312–323.
72. Zucerman C. Politika Vizantii v Severnom Prichernomor'e po dannym Notitiae Episcopatum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, vol. XVI, pp. 399–435.
73. Chkhaidze V.E. Pechati Ioanna, arkhiepiskopa Gotii (X–XI vv.). *Rossijskaya arkheologiya*, 2016, No 2, pp. 169–174.
74. Shalyga D.A. K voprosu o pis'mennosti krymskikh gotov. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, vol. XXI, pp. 312–316.
75. Shalyga D.A. Yazyk krymskikh gotov. Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)*, Simferopol, 2017, pp. 310–322.
76. Jakobson A.L. Iz istorii arkhitektury srednevekovogo Kryma. II. Mangupskaya bazilika. *Sovetskaya arkheologiya*, 1940, T. 6, pp. 205–226.
77. Jakobson A.L. O rannesrednevekovykh krepostnykh stenakh Mangupa. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury AN SSSR*, 1949, vol. 29, pp. 55–63.
78. Jakobson A.L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Dvorets. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 1953, No 34, pp. 390–418.
79. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891). *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*, Paris, 2006, pp. 69–85.
80. Bemmann J., Schneider K., Gercen A.G., Černýš S., Maćczyńska M., Urbaniak A., von Freden U. *Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup*. Mainz, 2013, 100 p.
81. Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup). *Unbekannte Krim. Archaologische Schätze aus drei Jahrtausenden*, Heidelberg, 1999, pp. 151–152.
82. Hayes D.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
83. Mango C. *Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History*. Washington, 1990, 247 p.
84. Mango C., Scott R. *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813*. Oxford, 1997. 744 p.
85. Oikonomides N. *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, 1972, 404 p.
86. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast period. *Iconoclasm*, Birmingham, 1975, pp. 113–131.
87. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Massachusetts, 1936, 292 p.
88. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981, 352 p.
89. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX–XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-burun. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2001, vol. 32, pp. 127–147.

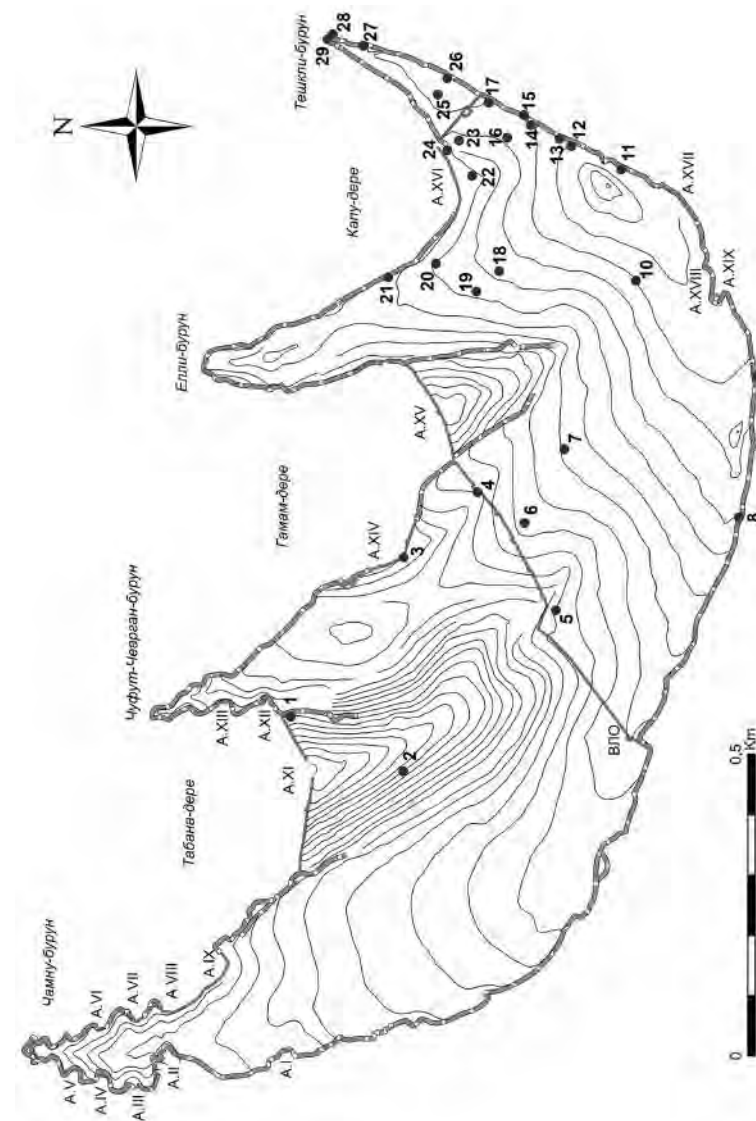
A. G. GERTSEN, V. E. NAUMENKO

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

FOR THE STUDY IN THE HISTORY OF MANGUP FROM THE EIGHTH TO THE ELEVENTH CENTURY: THE CONDITION OF SOURCES AND PERSPECTIVES FOR RESEARCH

Abstract: This paper presents a review of scholarship and currently available sources on the history of the ancient town atop Mangup plateau in the Khazar and Theme periods. The Khazar period in the history of Doros-Mangup started probably close to the account of the Life of St. John of Gothia informing of the Khazar occupation of the fortress in the 780s, the placement of their garrison there, and the unsuccessful uprising of the locals that followed. According to archaeological researches, the Khazar period in the history of Mangup did not last for long; neither had it caused important ethnic changes of the local population. An important ethnic and cultural marker, the Saltov-Maiak pottery, was rare. When the Khazar garrison occupied the fortress, they repaired particular defences. The establishment of the Byzantine theme in the Crimean peninsula in 841 opened the Theme period in the history of Mangup. In the ancient town stratigraphy, it was marked by the change of the material culture complex, where from that time on artefacts of the Byzantine circle dominated. Another feature of the site history in the ninth and tenth centuries was the active development of viticulture, which was oriented toward exportation to the Don and Azov Sea areas of the Khazar khanate, plausibly under the patronage of the Byzantine administration of the fortress. The Theme period finished ca. the mid-eleventh century with a catastrophe of still unclear origin, natural or military. Then the town of Mangup entered the long period of decline. So far no trace of cultural layer or assemblages dated to the twelfth and thirteenth centuries was uncovered in the town and its environs. The finds from this period remain extremely rare. However, we are still far from considering the idea of a time gap in the history of Mangup as the final solution. This interpretation much depends on the results of future researches.

Keywords: south-western Crimea, Mangup, Doros, Theodoro, Gothia, Byzantium, Khazars, Byzantine theme, Byzantine archaeology.

Рис. 1. Общий план Мангупского плато с указанием основных объектов археологических исследований 1853-2017 гг.: 1 – Северный пещерный монастырь; 2 – Караймский некрополь; 3 – Позднеримский некрополь в устье Лагерной балки; 4 – поселение в Лагерной балке; 5 – Синагога; 6 – Большая трехнефная базилика; 7 – Дворец правителей княжества Феодоро 1425-1475 гг.; 8 – алтарь в карстовой пещере МК-2; 9 – Южный пещерный монастырь; 10 – церковь Св. Константина; 11 – «Малая базилика»; 12 – тарапаны 1912 и 1968 гг.; 13 – «церковь 1968 г.»; 14 – пещерная церковь на «площадке со склепами»; 15 – пещерная церковь в обрыве под «площадкой со склепами»; 16 – Главная мечеть; 17 – «церковь 1967 г.»; 18 – «церковь 1969 г.»; 19 – мусульманское кладбище в верховьях Галам-дере; 20 – церковь Св. Георгия; 21 – «церковь 2015 г.»; 22 – безымянная церковь в верховьях Капу-дере; 23 – скальный некрополь на эспланаде цитадели; 24 – надвратная церковь с усыпальницами в Капу-дере; 25 – «церковь 2005 г.»; 26 – «церковь 2005 г.»; 27 – «Гарнизонная церковь»; 28 – пещерная церковь под оконечностью мыса Тешкли-бурин; 29 – Северо-восточный монастырь.

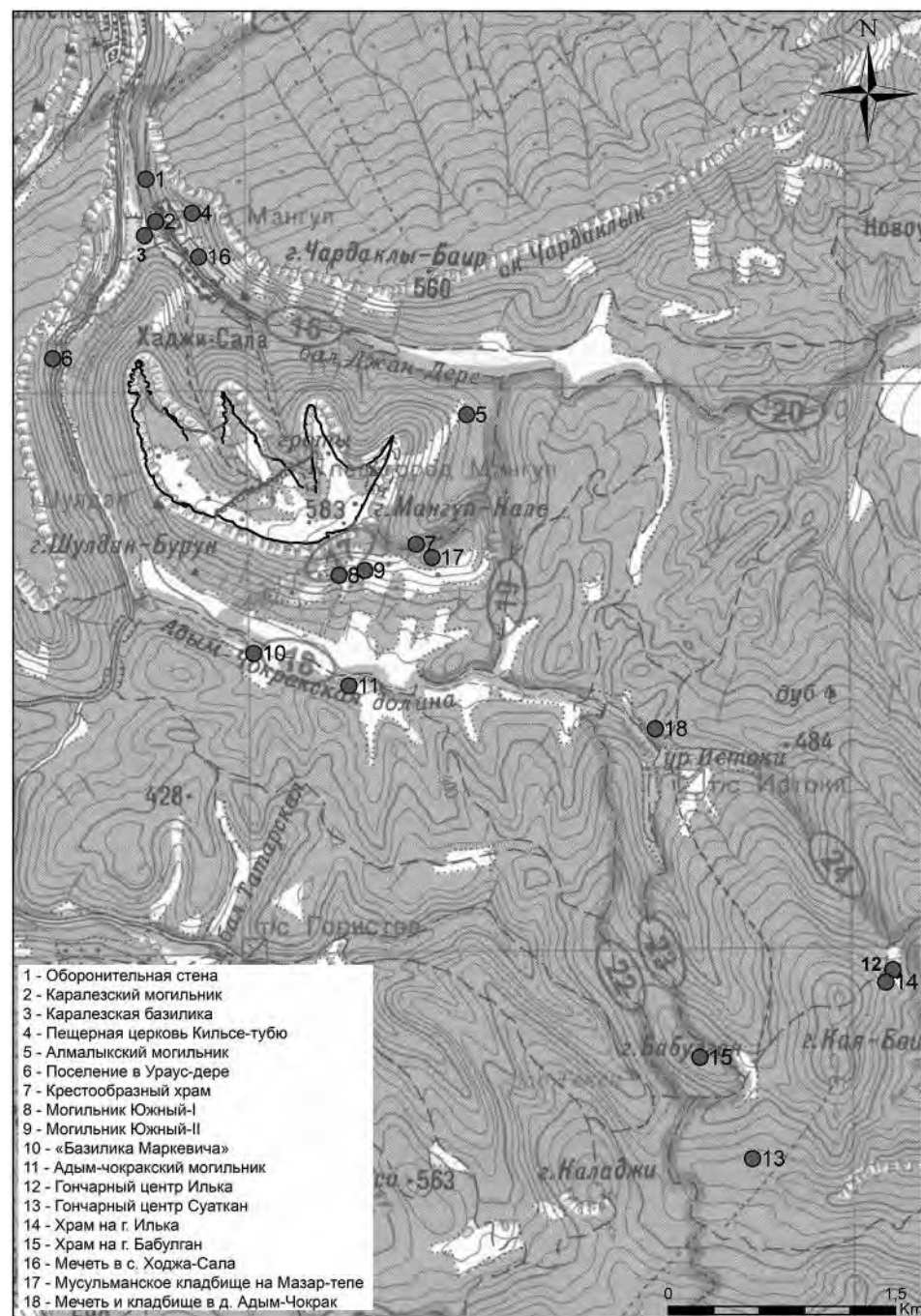

Рис. 2. Археологическая карта окрестностей Мангупского городища с указанием основных объектов исследований.

Н. И. ХРАПУНОВ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИЗВЕСТИЙ О ПОХОДАХ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ НА КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI В.¹

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об источниках известий о походах Руси на Крым 1074/1078 и 1095 гг., связанных с именем Владимира Мономаха. Дискуссия о том, можно ли считать сведения о данных походах достоверными, об их историческом контексте и хронологии ведется более двухсот лет. Исследователи, считавшие первый поход исторической реальностью, как правило, указывали на два сообщения. Одно находится в сочинении Василия Никитича Татищева, второе – у Эдуара де Мюралья, со ссылкой на Гаспаро-Луиджи Одериго. Подразумевалось, что в основе обоих – не дошедшие до нас древнерусский и византийский источники. Исследователи, отказывавшие этим известиям достоверности, считали данный эпизод выдумкой Татищева, а слова Мюралья объясняли заимствованием у Татищева либо у Станислава Сестренцевича-Богуша. Анализ сочинений историков Нового времени показал, что истоки сообщений об обоих походах – в информации австрийского дипломата первой половины XVI в. Сигизмунда фон Герберштейна, который описывал российский обряд поставления на великое княжение и в связи с этим привел историю о происхождении великокняжеских барм как трофея, взятого Владимиром Мономахом в Крыму. В дальнейшем этот сюжет был переосмыслен и расширен польским историком Матеем Стрыйковским, а от него попал в западноевропейские хроники. Впоследствии эти материалы и были использованы Татищевым, который понял их так, как будто походов было два. Одериго работал с известиями Герберштейна и других западных историков, а собранные им данные стали источником для Мюралья. Исходя из своего понимания исторических процессов, исследователи пытались подобрать подходящую хронологию одному или двум походам и вписать их в контекст византийско-древнерусских отношений. Учитывая, что сообщение Герберштейна на четыре с лишним столетия позже описываемых событий, что военные победы древнерусского князя не были предметом его интереса, и что никакие «промежуточные» источники неизвестны, в нашем распоряжении не остается достоверных

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053. Я признателен А. С. Щавелеву (Москва) за разнообразные консультации, а также Т. Ю. Яшаевой (Севастополь) и А. Ю. Мазиновой (Симферополь) за помощь в поиске нужной литературы.